

НИКОЛА САНДЕРС

**ПУСТЬ
ОНА
УЙДЕТ**

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-312.4(94)
ББК 84(8Авс)-44
С18

Nicola Sanders
DON'T LET HER STAY

Copyright © Nicola Sanders, 2023

Художественное оформление *Н. Каптыкиной*

Сандерс, Никола.

С18 Пусть она уйдет / Никола Сандерс ; [перевод с английского-го Т. Масленниковой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-04-210261-5

Ричард был на седьмом небе от счастья, когда написала Хлоя — его дочь от первого брака. Они не общались два года, со дня нашей свадьбы. И вот она наконец решила помириться с нами.

Я была уверена, что мы подружимся. Будем вместе готовить, обсуждать ее парней и учебу. Мы могли бы стать настоящей семьей. Но все сложилось иначе...

Сперва я не придавала этому значения, списывая все на усталость. Я начала путать даты, пропускать важные встречи и не находить вещи на своих местах. Куда хуже обстояли дела с Хлоей. В присутствии Ричарда она вела себя как настоящий ангел, но наедине со мной становилась вдруг агрессивной и непредсказуемой.

Я знаю, что не могу ей доверять. Я должна защитить свою семью. Защитить свою четырехмесячную малютку Эви. Пока не стало слишком поздно...

УДК 821.111-312.4(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-04-210261-5

© Масленникова Т., перевод
на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ПРОЛОГ

— Только не просыпайся. Пожалуйста, только не просыпайся.

Заставить мою четырехмесячную дочь заснуть — или не просыпаться — мольбами не удавалось еще ни разу. Бог свидетель, я пыталась. Так что не понимаю, с чего я решила, что в этот раз будет по-другому.

Но мольбы — это все, что у меня есть.

Так сильно прижимаю ее к груди, что приходится себя одергивать, чтобы не сделать ей больно. Но я чувствую, как она ворочается у меня в руках — верный признак, что сейчас проснется. А значит, начнет плакать, потому что так всегда и бывает.

И если она заплачет, мы умрем.

Я изо всех сил стараюсь вытащить нас отсюда живыми. Я уже близко. Мы у входной двери. Открываю ее и максимально быстро и бесшумно выскальзываю на улицу.

Снаружи темно. Так тихо, что даже шуршащий у меня под ногами гравий нас выдает. Но я не могу двигаться медленнее. Счет идет на секунды. Я подбегаю к «Рендж Роверу», наклоняюсь над задним колесом и пытаюсь нащупать запасные ключи, которые обычно там прячу. Когда нажимаю кнопку, машина мигает фарами и сигналиит с громкостью оркестровой трубы. Я останавливаюсь и прислушиваюсь. Сердце бешено колотится. Ничего. Открываю заднюю дверь, и в машине загорается свет, который я мгновенно выключаю. Я торопливо усаживаю Эви в детское кресло. Ее глаза распахиваются, как у куклы.

А потом у нее открывается рот. Широко.

— Пожалуйста, не плачь, Эви. Пожалуйста, детка, не плачь. — Я задерживаю дыхание.

Эви зевает.

Аккуратно закрываю дверь, но так дрожу, что у меня ключи выскальзывают из рук. Кидаюсь на землю и пытаюсь найти их в темноте.

Пожалуйста, не плачь. Пожалуйста, не плачь.

Я чувствую пластиковый прямоугольник под пальцами.

Слава богу. Они у меня. Я распрямляюсь, и в этот момент в окне наверху вспыхивает свет и падает на машину.

Я ничего не могу с собой поделатъ. Оборачиваюсь, чтобы взглянуть на дом, хотя это стоит мне нескольких лишних секунд, которые нельзя терять. Свет идет из детской. Это единственное горящее окно в доме.

ПУСТЬ ОНА УЙДЕТ

Я зажимаю рот рукой, когда в окне появляется она и начинает колотить обеими ладонями в стекло, а за ее спиной поднимается темный дым.

Наши взгляды встречаются.

Я отворачиваюсь, запираюсь в машине и уезжаю.

Три недели назад

Оскар лениво гавкает, как только я слышу шум гравия от колес подъезжающего фургона. Этот лай — только для виду. Мы оба знаем, что он спокойно впустит в дом постороннего, радостно размахивая хвостом, и обеими лапами запрыгнет вору на грудь. Оскар — старый золотистый лабрадор и любит всех и вся, даже соседского кота.

Я отхожу от кровати и смотрю в окно. Это почталъон. Он поднимается по ступенькам к парадной двери, и через секунду я слышу стук дверного молоточка. За воротами стоит ящик для писем, но когда я дома одна — то есть большую часть времени, — предпочитаю оставлять ворота открытыми. Чувствуешь себя менее одиноко, когда знаешь, что любой может подъехать прямо к дому, не звоня перед этим от въезда. Ричард со мной не согласен. Он говорит, это небезопасно, на что я неизменно закатываю глаза. Мы живем в очаровательном, но

довольно сонном пригороде, а наш роскошный загородный дом похож на крепость. Когда мы только въехали, Ричард был так озабочен нашей с Эви безопасностью, что установил замки на каждое окно.

Я смотрю на Эви, которая спит в своей кровати, раскинув руки и ноги, как морская звезда, накрываю ее одеяльцем и целую в мягкую теплую щеку. Она даже не ворочается. Если бы год назад мне кто-нибудь сказал, что приход почтальона станет для меня самым волнующим событием *за день*, я бы рассмеялась ему в лицо. Но сейчас я поспешно сбегая по лестнице в легком радостном предвкушении: нет ли чего-нибудь для меня, помимо писем и счетов, адресованных Ричарду? Может, журнал? Последний номер *«Дома и Сада»*? Над этим год назад я бы тоже посмеялась. Но теперь нет. Я могу провести добрый час или, если совсем расслаблюсь, даже два, сидя в кресле-качалке в детской и рассматривая модные ваннские комнаты или загородные оранжереи... Может, после того, как закончим ремонт на кухне, нам тоже такую построить? Только я его даже не начинала. Вырезанные мной картинки так и висят со свернувшимися уголками на магнитной доске в гостевой комнате, которую я объявила своим кабинетом. У Ричарда есть собственный внизу — огромная комната с необъятным дубовым столом, книжными полками во всю стену и французскими окнами, выходящими на патио. Но он редко пользуется этой комнатой. Не любит приносить работу домой.

Мой кабинет не такой большой, это просто стол и офисный шкаф, где хранятся личные документы. Я поклеила там милые обои и попросила нашего садовника Саймона повесить магнитную доску для проектов, потому что Ричард не знает, какой стороной молотка забивают гвозди.

Тогда у меня были большие планы на этот дом. Эви еще не родилась, токсикоз миновал, и я была до одурения счастлива из-за гормонов, наводняющих организм. В тот момент я наивно полагала, что у меня будут на все это силы, а материнство окажется прогулкой в парке. Только дело в том, что моя прекрасная малышка не спит. То есть нет. Она засыпает примерно миллион раз за ночь, а потом просыпается и не успокаивается, пока ее не накормят. В новой суровой реальности по утрам я бываю настолько уставшей, что не нахожу сил помыть голову.

Наклоняюсь за почтой, ко мне подбегает Оскар, и я тоскливо вздыхаю, перебирая стопку. Видимо, придется убить время иначе, потому что для меня сегодня ничего нет.

Я кладу кучку почты на полку, тщательно отсортировав все по размеру: «*Вестник Инвестора*» внизу, счета и конверты поменьше наверху. Пришло огромное письмо из Амстердама, видимо, по поводу конференции, на которую Ричард поедет через три недели. Я пихаю его вниз стопки. Тут выскальзывает еще одно письмо и падает на пол. Поднимаю его и верчу в руках. Как и все остальные, оно адре-

совано Ричарду, но подписано вручную, и по почерку видно, что его отправила женщина. Я переворачиваю конверт, но обратного адреса нет, как и имени отправителя. Сразу думаю, что оно от Изабеллы — прекрасной Изабеллы, бывшей невесты моего мужа. Я знаю, что они общаются, но зачем ей посылать бумажное письмо — загадка. Может, это приглашение? Особое приглашение. По особому случаю. Только для него. Чтобы пришел один.

Внезапно меня разбирает любопытство. Я провожу по конверту пальцами и думаю воспользоваться старым трюком с паром, чтобы его открыть. Только, наверное, он уже не сработает.

В коридор врывается холодный ветер, и я подпрыгиваю.

— Здравствуйте, миссис Эй.

— Роксана, — смеюсь я, прижимая конверт к груди. — Ты меня испугала. Уже приехала?

Она прислоняет велосипед к стене и заходит внутрь, закрывая за собой дверь.

— Извините, что напугала, — говорит она, откидывая капюшон плаща. — Нужно было позвонить в дверь. Я думала, вы наверху с Эви.

Я небрежно отмахиваюсь.

— Эви спит как убитая. Уже как минимум пятнадцать минут. Думаю, это рекорд. Я проверяла почту.

— Ладно, тогда я начну, миссис Эй.

Я раз пятнадцать просила Роксану называть меня Джоанн, но она никогда так не делает.

Я всегда миссис Эй, хотя ей, думаю, лет двадцать пять — двадцать восемь, то есть она всего лет на пять младше меня.

Роксана вешает плащ в гардеробную — маленькую комнатку рядом с коридором, где мы храним зонты, дождевики, резиновые сапоги... Она идет прямо к двойным дверям, ведущим на огромную кухню, чтобы забрать тележку с чистящими средствами из кладовки. Я следую за ней по пятам.

— Не хочешь чаю, прежде чем начать? — Я спрашиваю ее об этом каждый раз, и она с завидной регулярностью отказывается. Наверное, думает, что у меня проблемы с памятью. Или что я туга на ухо.

— Нет, спасибо, — говорит она. — Все хорошо.

— Я думаю купить велосипед, — выпаливаю я, прежде чем она успевает уйти.

Это неправда. Что бы я с ним делала? Присобачила люльку на багажник? Но мне до смерти хочется с кем-нибудь поговорить. У меня такое чувство, будто я неделями ни с кем не общалась, хотя, строго говоря, это не так. Я болтаю с Саймоном, но у него пока зимний график работы, поэтому он проводит тут не так много времени. Он приезжает только один или два раза в неделю, в основном чтобы прибрать участок и подготовиться к весне. Конечно, я разговариваю с Ричардом, каждый вечер, но он подолгу работает и в последнее время даже не всегда успевает домой к ужину. У него собственный частный инвестиционный банк, и сейчас он со своим деловым партнером разрабатывает но-

вый продукт — что-то связанное с финансовыми портфелями. Ричард пытался мне объяснить, но я не поняла ни слова. Списываю это на отупение после беременности.

— Как думаешь, какой взять? — спрашиваю я Роксану.

Она пожимает плечами.

— В Чертси есть магазин велосипедов. Попробуйте спросить там.

Киваю.

— Да. Хорошая идея. — Я прислушиваюсь к Эви и, удовлетворившись тишиной, беру чайник и помахиваю им в сторону Роксаны. — Уверена?

— Уверена, — отзывается она.

— Как знаешь!

Кидаю пакетик мятного чая в кружку и облакачиваюсь на столешницу. Наблюдаю, как Роксана собирает свои чистящие принадлежности. Я пытаюсь придумать, что бы еще сказать, но мой мозг как будто превратился в пюре.

Иногда для меня загадка, о чем мы думали, переезжая в такой огромный дом так далеко от города. Я понимаю, что мне повезло жить в этом прекрасном месте. Тут шесть спален, пять ванных, гостиная и столовая с потрясающим видом, гигантская кухня и кладовка, превосходящая по размеру мою старую квартиру в Лондоне. А еще есть подвал, где хранятся самые дорогие вина Ричарда, но который он грозит переделать в домашний кинотеатр или что-то типа того. Знай себе сиди на кухне с Эви

НИКОЛА САНДЕРС

на коленках и болтай с Роксаной. Иногда я ловлю себя на том, что хожу за ней по дому с ребенком на руках, пока она работает, чтобы хоть с кем-то поговорить.

Роксана вставляет наушники и тычет в экран телефона. Я сдерживаю вздох. Намек поняла.

— Тогда оставляю тебя заниматься своими делами, — говорю я, хоть она меня и не слышит. Заливаю пакетик кипятком и возвращаюсь вместе с кружкой в коридор.

Мы с Ричардом жили в этом доме с самой моей беременностью. Наше пристанище на всю оставшуюся жизнь. К тому времени я уже справилась со своим нежеланием полагаться на финансы Ричарда — во всяком случае, в отношении недвижимости. В самом начале поисков, когда он возил меня смотреть дома, ценники приводили меня в шок. Мой доход близко не позволял взять ипотеку, на которую он, похоже, рассчитывал. А эти варианты были даже менее внушительны, чем тот, на котором мы в итоге остановились.

— Не беспокойся о деньгах, Джоанн. Давай просто найдем дом, который нам подойдет. Пусть это будет моим тебе подарком, — говорил он, целуя меня в макушку.

До сих пор помню первый раз, когда увидела дом. Я не могла поверить своим глазам. Ричард был в полном восторге. Неужели это правда могло стать нашим? Я пыталась представить, каково здесь жить,